

Содержание

Захар Корнилов. Священное пространство в повествованиях о монастырях: <i>Саров и Дивеево</i>	217
Ульяна Буранкова. Повесть «О Василии Великом, как крестил еврея» в составе «Сводного патерика»	233
Варвара Золотарева, Артем Трофимов. Экзотическая палеонтология XVIII века: <i>В. Н. Татищев и мамонты</i>	241
Андрей Петров. «Возобновить золотой век радостей во граде»: <i>Время в ранних трагедиях А. П. Сумарокова</i>	252
Алина Шиян. «Некомическая» комическая опера: <i>к постановке проблемы</i>	274
Максим Щавлинский. Между Н. Н. Златовратским и Г. И. Успенским: <i>раннее творчество И. А. Бунина и народническая литература</i>	298
Александр Жолковский. О трех маленьких секретах <i>знаменитой «Федры»</i> Мандельштама	316
Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: <i>Георгий Адамович</i>	346
Виктория Боденчук. Мотивы поэзии Серебряного века в рассказе пролетарского писателя Сен. Дерихина	394
Марта Капосседа. Виктор Шкловский — сценарист. <i>Предварительные заметки о сценарии «Мёртвый дом» (1932)</i>	415
Никита Косьяненко. «Ревела буря...»: <i>о некоторых лейтмотивах комедии Н. Р. Эрдмана «Самоубийца»</i>	426
Алена Кораблева. Кино в мотивной структуре лирики Алексея Цветкова	441
Эмилия Шпак. Прогностическая функция вставного текста в романах Г. Ш. Яхиной	456
Указатель имен	470
Содержание девятнадцатого тома	484

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (3–4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (3–4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–63498 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на со-
искание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по специальностям 5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
с 01.02.2022 г. и 5.9.1. Русская литература (филологические науки) с 20.12.2022 г.

Фото на обложке Екатерины Бухановой

© Авторы статей, 2023
© «Летняя школа по русской литературе», 2023

Contents

Zakhar Kornilov. Sacred Space in Stories About Monasteries: <i>Sarov and Diveevo</i>	217
Ul'iana Burankova. The Story «About Basil the Great, how he Baptized a Jew» as Part of the «Consolidated Patericon»	233
Varvara Zolotaryova, Artyom Trofimov. Exotic Paleontology of the XVIIIth Century: <i>V. N. Tatischev and Mammoths</i>	241
Andrey Petrov. «To Renew the Golden Age of Joy in the City»: <i>Time in the Early Tragedies of A. P. Sumarokov</i>	252
Alina Shiyan. «Non-Comic» Comic Opera: <i>Towards the Formulation of the Problem</i>	274
Maksim Shavlinsky. Between N. N. Zlatovratskii and G. I. Uspenskii: <i>Early Work of I. A. Bunin and the Narodnik (Peasant-oriented) Literature</i>	298
Alexander Zholkovsky. Three Minor Secrets of Mandelstam's <i>Famous "Phaedra"</i>	316
Roman Timenchik. Towards the Index of Anna Akhmatova's Notebooks: <i>Georgii Adamovich</i>	346
Victoria Bodenchuk. Motives of Poetry of the Silver Age in the Story of the Proletarian Writer Sen. Derikhin	394
Marta Capossela. Viktor Shklovsky as a Screenwriter. <i>Preliminary Notes on the Script «Mertvyj Dom» (1932)</i>	415
Nikita Kosyanenko. «The storm roared...»: <i>About Some Leitmotifs of N. R. Erdman's Comedy «Suicide»</i>	426
Alena Korableva. Cinema in the Motif Structure of Poetry by Alexei Tsvetkov	441
Emilia Shpak. The Predictive Function of the Inserted Text in the Novels of G. Sh. Yakhina	456
Index	470
Content of the volume	484

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Sophia Kolomiitseva, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50.
E-mail: summerschool@list.ru

МАКСИМ ЩАВЛИНСКИЙ
(Москва)

**МЕЖДУ Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИМ
И Г. И. УСПЕНСКИМ:
*раннее творчество И. А. Бунина
и народническая литература****

Статья посвящена народническому дискурсу в раннем творчестве И. А. Бунина. Писатель, вошедший в литературу по «народнической» тропе, в первые годы своей литературной карьеры строго ассоциировался с коллегами по цеху. Тем не менее уже в 00-е годы XX века Бунин старается публично всячески уйти от предложенных конвенций народнической литературы, а позднее в эмиграции он будет отрицать свою тесную связь с народническими кругами. На деле, Бунину-писателю уже в 90-е годы «тесно» в рамках народнической литературы. В статье предпринята попытка описать поэтику Бунина в рамках двух утрированных полюсов народнической поэтики: реалистически-мрачной поэтики Г. И. Успенского и идеалистически-социальной поэтики Н. Н. Златовратского.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, народники, поэтика.

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский, аспирант и младший научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

**Between N. N. Zlatovratskii
and G. I. Uspenskii:
*Early Work of I. A. Bunin and the Narodnik
(Peasant-oriented) Literature***

The article is devoted to the populist discourse in the early works of I. A. Bunin. The writer, who entered literature along the “*narodnik*” (peasant-oriented) path, in the first years of his literary career was strictly associated with colleagues in the industry. Nevertheless, already

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И. А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)».

in the 00s of the 20th century, Bunin publicly tried in every possible way to get away from the proposed conventions of the *narodnik* (peasant-oriented) literature, and later in emigration, he would deny his close connection with the *narodnik* (peasant-oriented) circles. In fact, already in the 90s, Bunin the writer was “cramped” within the framework of the *narodnik* (peasant-oriented) literature. The article attempts to describe Bunin’s poetics within the framework of two exaggerated poles of the *narodnik* (peasant-oriented) poetics: the realistic-gloomy poetics of G. I. Uspenskii and N. N. Zlatovratskii.

Key words: I. A. Bunin, G. I. Uspenskii, N. N. Zlatovratskii, *narodniks*, poetics.

About the author: Maksim Shavlinsky, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

DOI 10.48612/sum-2023-19-3-4-298-315

Переживший «долгое народничество» Бунин¹ никогда, однако, всерьез в контексте народнической литературы не рассматривался.² Те немногие исследования, которые можно

¹ «Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство; теперь тяготее больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности». См.: Бунин И. А. Соб. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 541.

² Например, Ю. В. Мальцев признавал влияние народничества на Бунина, но не считал его существенным: «Свою прозу он тоже сначала печатал в народнических журналах («Русское богатство», «Новое слово»). Все это наложило свой отпечаток на ранние произведения Бунина. Народничество в те годы все еще оставалось доминирующей силой в общественной жизни страны. Бунин был ему чужд, но принимал его просто как общепринятую и неизбежную условность, вроде определенного покроя платья, которому все мы должны следовать. В его писаниях (особенно статьях тех лет) можно усмотреть скорее народническую фразеологию, нежели внутреннюю близость и настрой души (позже, возмужав и созрев, он открыто выступил против народничества). Среда народников-революционеров (некоторые из них впоследствии стали большевиками и участвовали в установлении советского режима) — оттолкнула юного Бунина своим догматизмом, узкой нетерпимостью, несложной прямолинейностью теорий («все злое — направо, все доброе — налево», спасение от всех зол в революции), презрением ко всем слоям общества, кроме беднейшей части крестьянства (даже богатых крестьян ненавидели, видя в них «кулаков»), отрицанием целиком прошлого России и ее настоящего (революционным нигилизмом), неприятием неутилитарного и не “прогрессивного” искусства (Чехова и Толстого в том числе), высокомерной уверенностью этих “профессиональных строителей счастья человечества” (как Бунин потом будет их называть) в своей непрекращаемой правоте и праве поучать других. Особенно фальшивым казалось Бунину поучение “жертвовать собой ради блага народа”. Жертвовать собой,

найти в буниноведении, рассматривают отдельно взятые вопросы и не предлагают системного подхода к теме.¹ Долгое время это осложнялось проблемами, связанными с труднодоступностью и неполнотой ранних бунинских публикации.² Однако именно в народнических кругах и под их большим влиянием формировался начинающий писатель. В статье мы обозначим «два полюса» народнической литературы (Г. И. Успенский и Н. Н. Златовратский), под знаком творчества которых формировался Бунин-народник.

Как известно, Иван Алексеевич не закончил гимназию (ушел в середине 4-го года обучения — в январе 1886 года не вернулся в гимназию на занятия) и далее занимался

приносить личность в жертву абстракции для Бунина было верхом абсурда. К чему же для него “народ” был не абстракцией, а тем, что он знал не из книжек, а вблизи и реально. И невыдуманные нужды которого ему тоже были отлично известны». См.: *Мальцев Ю. В.* Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 50.

¹ *Скрипникова Т. И.* Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2008. С. 34–67; *Бажинов И. Д.* Дооктябрьская проза И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1963; *Тимохина Н. В.* Традиции народнической литературы 70–80-х годов в раннем творчестве И. А. Бунина // *Очерки по истории русской литературы: В 3 ч. / Под ред. А. И. Ревякина.* М., 1967. Ч. 3. С. 95–105; *Бонами Т. М.* Художественная проза И. А. Бунина (1887–1904): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963; *Сарычев К. В.* «Долгое народничество» И. Бунина. Проблематика и художественное своеобразие ранней прозы писателя о деревне // *Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов.* Елец, 2015. С. 340–350; *Газер И. С.* Дооктябрьская проза И. А. Бунина (1887–1910): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1964; *Чистякова Н. А.* Народные традиции в рассказе И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // *Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: Материалы науч.-практ. Всерос. конф., посвящ. 127 годовщине со дня рождения И. А. Бунина, 16–17 окт. 1997 года / Белгородский гос. ун-т; Отв. ред. Г. М. Благасова.* Белгород, 1998. С. 79–84; *Гольдин С. Л.* О литературной деятельности И. А. Бунина конца восьмидесятых-начала девяностых годов. (Забывшие и неизвестные страницы) // *Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института.* Т. IX. Вып. 3. М., 1958. С. 3–51.

² *Морозов С. Н.* Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* Т. 81. № 4. С. 43–51.

домашним образованием под руководством старшего брата — Юлия Алексеевича, который в этот момент выслан в Озёрки под надзор полиции из-за участия в народовольческом движении (арестован 27 сентября 1884 года, выслан в ссылку в августе 1885 года на 3 года). Ю. А. Бунин в эти годы уже был известным народником, закончил учебу на математическом факультете Харьковского университета (1882), куда был переведен из Московского университета по причине участия в студенческих беспорядках весной 1881 года. Однако в Харькове Ю. А. Бунин стал еще более заметной фигурой:¹ лидером местного народнического кружка, а также начал публиковаться под псевдонимом Алексеев.² Учитывая такую биографию Ю. Бунина, домашнее образование определенной идеологической направленности, а также тот пиетет, который испытывал Иван Бунин к своему старшему брату, влияние народнических идей на юного писателя кажется очевидным.

Литературный дебют И. А. Бунина «Над могилой Надсона»³ случился в народническом журнале «Родина». И если первое поэтическое произведение было посвящено смерти Надсона и больше походило на потрясение, на глубокую эмоциональную реакцию, учитывая большой интерес Бунина к молодому поэту,⁴ то последовавшее в этом же году в «Родине» стихотворение «Деревенский нищий»⁵ — полностью отвечало установкам народнической поэтики («Грустно видеть, как

¹ Подробнее о биографии Ю. А. Бунина см.: *Власов В.* Старший брат: (Революционер-народник и публицист Ю. А. Бунин) // *Собеседник: Портреты. Этюды. Ист. повествования. Очерки /* Ред.-сост.: З. Анчиполовский, О. Ласунский. Воронеж, 1973. С. 102–126.

² *Алексеев* [Бунин Ю. А.] Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции. СПб, 1883. См. также: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. Т. 1. М., 1956. С. 95.

³ *Бунин И. А.* Над могилой С. Я. Надсона («Угас поэт в расцвете силы...») // *Родина.* 1887. № 8. 22 февр. Стб. 228–229.

⁴ Об интересе Бунина к Надсону см.: *Щавлинский М. С.* «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии // *Летняя школа по русской литературе.* 2020. Т. 16. № 3–4. С. 429–433. Необходимо также отметить, что увлечение Надсоном в эти годы было повсеместным, особенно в либерально-народнических кругах.

⁵ *Бунин И. А.* Деревенский нищий («В стороне от дороги, под дубом...») // *Родина.* 1887. № 20. 17 мая. Стб. 611–612.

много страданья / И тоски и нужды на Руси!»).¹ Среди последовавших публикаций можно выделить множество текстов, связанных с народнической поэтикой: «Два странника», «Нефедка», «Божьи люди», «Танька», «Учитель» и т. д.² Первый сборник рассказов Бунина «На край света» (1897) — тоже напрямую связан с народнической поэтикой и темой деревни.³ «Долгое народничество» не прошло бесследно, и влияние его нарративов, позже так яростно отвергаемых, значимо и вычленимо. Особенно значимыми народниками для Бунина были Н. Н. Златовратский и Г. И. Успенский.

* * *

Несмотря на многочисленные иронические высказывания Бунина о Златовратском в зрелые и поздние эмигрантские годы,⁴ фигура самого авторитетного представите-

¹ Там же. Стб. 612.

² О генезисе ранней прозы Бунина и о том, как на прозу Бунина повлияли сюжеты и жанры народнической литературы см.: Пономарев Е. Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И. А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 178–193.

³ Неслучайно этот сборник, как и первый сборник стихов, привлек внимание Златовратского, который написал на них рецензии. Однако Бунин был ими недоволен, подробнее см.: *Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. М., 2003. С. 395.

⁴ По записным книжкам Бунина видно, что в эмиграции несколько раз он вспоминал Златовратского: «Златовратский... Интереснейшая фигура! Сколько лет этот самый Златовратский был чуть не для всей интеллигенции истинно Иверской! Он искренно мнил себя великим знатоком народа (его самых основных “устоев”, глубины его души и “золотых сердец”, его “извечных чаяний”, его “подоплеки”, его языка, его быта). Он считал себя замечательным писателем, таким, что то и дело хмуρο и презрительно трунил над Толстым, а если хвалил, то тоже как-то свысока, небрежно. Что Толстой! Он считал, что он и сам мудрец, в некоторых отношениях даже почище Толстого: “Да, талант, но и чепухи в голове немало”, — нередко говорил он про Толстого, по своему обыкновению ворчливо, глядя куда-то в угол, по-медвежьки качаясь, <...> вообще весь его мужицко-патриархальный вид, вид какого-нибудь соя Псоича, Псоя Сысоича (излюбленные имена его героев из стариков)» (Автобиографические и литературные записи. / Публикация А. К. Бабореко // *Литературное наследство*. М., 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 389). Здсь Бунин обыгрывает названия некоторых произведений Златовратского (романа «Устой», повести «Золотые сердца»). Об этом же свидетельствуют записи А. В. Бахраха: «Златовратский однако пережил расцвет своей славы, она от него отхлынула еще при его жизни. Вспоминаю его на закате дней,

ля народнической литературы играла немаловажную роль в период становления юного писателя. Об этом, в частности, свидетельствует недавно опубликованный лист из записной книжки Бунина, в котором Златовратский помещен в разряд «властителей дум» эпохи бунинской молодости.¹

Златовратский действительно был властителем дум второй половины 1870-х — начала 1880-х годов. Об этом чрезвычайно плодovitом авторе сегодня вспоминают мало, хотя он оставил интересный корпус текстов, которые уже более полувека не переиздавались. Его литературная судьба не менее примечательна: он закрепился в культурной памяти современников как выразитель эпохи, которую пережил, как эмблема явления, которое выродилось на его же глазах. Именно поэтому в последние годы жизни Златовратский «замолчал» и оставил литературу.

Одно из самых значительных произведений Златовратского — роман «Устой» (1883). Подзаголовок романа — «История одной деревни» — и формально, и семантически напоминает подзаголовок другого популярного в этот период произведения — цикла романов Э. Золя «Ругон-Маккары»². Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи» (1871–1893). Не менее важным в этом ряду становится роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1870).

Стоит отметить богатую натуралистическую традицию русской литературы 70–90-х гг. XIX в., отмеченную в произведениях Н. А. Некрасова, П. Д. Боборыкина, И. И. Ясинского и др.

вечно недовольным, окруженным писателями “из народа”. Он шагал по комнате в каких-то бесформенных засаленных штанах, заложив руки за спину и угрюмо бурчал: — Декаденты, говорят, какие-то появились. За ними еще марксисты какие-то идут. Не знаю, батюшка... это все чепуха, это все пройдет... / Таким он в моей памяти и остался» См.: *Бахрах А. В.* Бунин в халате: По памяти, по записям. [Мюнхен], 1979. С. 69–70.

¹ Подробнее см.: *Пономарев Е. Р.* История русской литературы XIX – начала XX веков глазами И. А. Бунина (один лист неопубликованной записной книжки) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 80–92.

² Отметим, что уже в 90-е годы XIX века И. А. Бунин с интересом читал романы Э. Золя и был от них в «положительном восхищении», о чем сообщал старшему брату и В. В. Пащенко в письмах. См.: *Бунин И. А.* Письма. 1885–1904. С. 40–42.

В определенном смысле Златовратский и предлагает социологическое исследование определенного типа, но, в отличие от Золя и Салтыкова-Щедрина, не урбанического, а деревенского. Если литературный натурализм проблематизировал социальность прогрессивного горожанина, то народничество интересуется деревенским бытом, его детальным, почти этнографическим описанием.

Другой аспект, сближающий Золя, Златовратского и Салтыкова-Щедрина, — нарратив о вырождении,¹ которым в том числе полны «Деревня» и «Суходол» Бунина. Дискурс о вырождении стал центральным в литературе и медицине конца XIX — начала XX века. Первые важнейшие шаги по сближению этих двух областей были сделаны именно во французской литературе. Золя в своих романах предложил модель биологического вырождения рода Ругон-Маккаров, осмысляемого как гибель Второй империи. Роман «Устой» — попытка отыскать истоки расшатанных деревенских основ, понять причины их разрушения на примере одного рода. Златовратский, очевидно, не опирался на биомедицинские дискурсы эпохи и переносил вырождение деревни в экзистенциальную, бытийную плоскость. Так или иначе творчество Золя и литературный натурализм — важный фон, позволяющий объективизировать природу некоторых нарративных решений в литературе этого периода.²

Социальная природа деревни, общинная память, коммунальное устройство жизни — значимые составляющие художественного мира Златовратского.

¹ Подробнее о золаистских дискурсивных стратегиях см.: *Николози Р.* Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М., 2019. С. 42–46. Там же. см. о развитии дискурса вырождения в русской литературе: «Господа Головлевы» (1875) М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Братья Карамазовы» (1879–1880) Ф. М. Достоевского, «Приваловские миллионы» (1883), «Золото» (1892) Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.

² О значении натурализма, особенно — отдельных писателей-натуралистов, часто пишут исследователи. Например, см.: *Галлай К. Н. И.* Бунин и Ги де Мопассан: к вопросу о типологии творчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 4. С. 43–48.

Еще одна существенная черта, выделяющая тексты Златовратского среди литературы своего времени, — романтизация мужика и крестьянской жизни (современники говорили об идеализации).¹ Даже в ряду других писателей-народников — П. В. Засодимский, А. И. Эртель и др. — Златовратский стоит особняком. Особенно значимо сопоставление Златовратского с Г. И. Успенским. Выразительны уже названия некоторых произведений Успенского: «Нравы Растеряевой улицы» (1866), «Разоренье» (1870), «Грехи тяжкие» (1889). Успенский повествует о физическом и духовном обнищании деревни и не стремится идеализировать серого мужика. Что мы видим у Златовратского? «Сон счастливого мужика», «Романтики», «Мирные дети труда» — так называются некоторые главы в романе «Устой». Романтизация деревни — существенная черта поэтики Златовратского.²

* * *

Безоговорочным на творчество И. Бунина кажется влияние Г. Успенского. Бунин и сам не раз признавался, что Успенский — талантливый писатель:

А при этом Златовратский деревенской жизни вовсе не знал, всегда жил в городе. Он, конечно, не чета Глебу Успенскому. Успенский был и умен и талантлив и его и теперь интересно перечитывать.³

¹ Например, см.: Горький М. О том, как я учился писать. М., 1940. С. 16.

² Интересна оценка литературоведа А. М. Еголина, в предваряющей «Избранные произведения» Н. Н. Златовратского статье, он так оценил творчество писателя на примере романа «Устой»: «С трогательной любовью Златовратский описывает мечты Филаретушки, в которых явно идеализируется “умственный мужик”, “носитель” новой деревенской правды. Эти иллюзии Филаретушки и составляют “слащавую романтику” (М. Горький) Златовратского, которая является слабостью писателя. За такие надуманные картины Глеб Успенский назвал Златовратского писателем “шоколадного мужика”». Еголин А. М. Творческий путь Н. Н. Златовратского // *Златовратский Н. Н. Избранные произведения*. М., 1947. С. 8.

³ Бахрах А. В. Бунин в халате. С. 69.

Интересно, что от Успенского Бунин не отрекся даже в эмиграции:

Из писателей-«народников» во времена моей ранней молодости еще были живы Николай Успенский, Глеб Успенский, Златовратский, Засодимский, Наумов, Нефедов. Все они еще пользовались большой известностью и очень читались, — особенно Глеб Успенский и Златовратский; читались и некоторые из более ранних, уже умерших, — Омулевский, Левитов... Большого различия между ними их почитатели не делали. А меж тем различие было огромное: Левитов и оба Успенских были столь талантливы, что можно и теперь перечитывать их. Прочие «народники» были бездарны и забыты вполне справедливо.¹

Молодой Бунин хорошо изучил стиль старшего коллеги. Уже в первых текстах о деревенской жизни («Два странника» (1887), «Нефедка» (1887), «Танька» (1897)) чувствуется минорный тон повествования, безжалостный реализм и упаднические настроения — все то, что олицетворяет один из народнических векторов развития литературы, воплощенный в текстах Г. Успенского. Характерным и не раз упомянутым становится для Бунина сюжет смерти мужика ночью в снегах: так умирает мужик Нефедка («Нефедка»), отправившийся за лаптями, также умирает Тимошка («Два странника»), пытавшийся найти тело зарезанного мужика, — обмороженные тела обоих наутро находят мужики; интересно, что Танька утром просыпается от холода, — именно с этого факта начинается рассказ («Танька»). Смерть от холода ярче всего показана у Бунина в рассказе «Два странника» момент смерти Тимошки, ощущение замерзания катализируют поток воспоминаний героя и резко, контрастно переносят его в прекрасные летние детские дни, в «яркий полдень» в деревне в компании двух «белоголовых девочек», когда он сам «такой же маленький, белоголовый»². Для Успенского

¹ Бунин И. А. Из записей // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1988. С. 560.

² Вероятно, этот фрагмент также отсылает к 8 главе повести «Метель» Л. Н. Толстого, когда главный герой сквозь сон чувствует и описывает то, как он замерзает.

такой сюжет является обыденностью: его герои постоянно боятся замерзнуть, замерзают в пути или чудесным образом спасаются из-под снежных завалов (Иван Алифанов «Взбрело в башку»). При этом и смерть героев обыденная, иногда о ней только сухо упомянуто, как в сводках новостей. Герои Успенского часто просто живут и просто умирают. Намеренно подчеркнутая обыденность смерти лишней раз указывает на прозаичность этого события. Молодой Бунин, наоборот, видит в смерти загадку, один из главных моментов жизни, когда герой осознает свою субъектность. Для обоих авторов смерть бесценна, но по-разному.

Другой общий для Бунина и Успенского сюжет — переселенцы. Бунин освещает это социальное явление в рассказах «На край света» (1894), «На чужой стороне» (1893). Успенский посвящает этому цикл очерков: «Поездки к переселенцам».¹ Социально-политические представления о жизни крестьянства, недостоверность изображаемой действительности, обнищание деревни и высказывания против слепой идеализации русского крестьянина станут общим стержнем, связующим в поэтиках писателей. Апофеоз этого народнического направления, широкое представленный и развитый в прозе Успенского будет дан в зрелой прозе Бунина начала 1910-х годов: в повестях «Деревня» (1910) и «Суходол» (1911). Несмотря на приведенное тематическое и жанровое сходство (ранний Бунин часто прибегает к газетному очерку,² как и Успенский, и многие народники), Бунин не пытается следовать за каким-то одним принципом народнической поэтики, он, скорее, старается сформулировать свой собственный стиль, часто прибегая к поэтике памяти, размыкая рамки народнического очерка. Кроме того, писатель, явно тяготея к народничеству Успенского, иногда обращается к пресловутой «идеализации» мужика, типичной для Златовратского и народников его круга, как мы отмечали выше.

¹ В 1888 году Успенский совершил поездку по Сибири, а позднее, — в 1899 году — ездил в Башкирию. Очерки опубликованы в 1888–1889 годах в журнале «Русские ведомости».

² См. подробнее: *Пономарев Е. Р.* Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И. А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 181–182.

Интересным примером «срединного» текста между народнической поэтикой Златовратского и Успенского, представляется нам травелог Бунина «Казацким ходом». Если сравнить его с травелогом Успенского «Письма с дороги», становится очевидным, что писатели выполняют разные творческие задачи. Для Успенского на первый план выходит фактография и демонстрация упадка в уезде/губернии, анализ экономической действительности, региональный «проект реформ» и обязательный дискурс критики. Тогда как для молодого Бунина, в тех редких случаях, когда он обращается к народническому дискурсу, характерен уклон в психологическое описание типа местных жителей, раскрытие уникальных черт их ментальности. В очерке «Казацким ходом», разделенном на два переплетенных полюса повествования: поэтическое путешествие¹ и путешествие народника — второй полюс больше походит на повествование Златовратского,² с его желанием продемонстрировать определенный возвышенный тип мужика.

Интересно и то, как Бунин и другие народники описывают свое «вхождение» в Другое пространство. Для Бунина это именно чужое пространство (и его жители), которое привлекает его свой чуждостью, неизвестностью:

Внимание мое было отвлечено видом новой местности и нового типа людей — малороссов, и в вагоне, на пути от Курска до Киева, я или не отходил по целым часам от окна, или прислушивался к мягкому южному говору и вглядывался в лица.

Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом.³

¹ Об этом см. подробнее: *Щавлинский М. С.* Эволюция травелога в раннем творчестве И. А. Бунина: от «Казацкого хода» до «Храма Солнца» // Сб. ст. по результатам XLIX международной научно-практической конференции «Eurasiascience» (15 ноября 2022 г.). М., 2022. С. 292–295.

² Что характерно, именно это произведение раннего Бунина высоко оценил Н. Златовратский и назвал лучшим произведением сборника «Стихи и рассказы» (1900), видимо, за демонстрацию подобного типа мужика-гребца.

³ *Бунин И. А.* «Казацким ходом» // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1987. С. 413–414.

Когда для Успенского и многих других народников это почти всегда пространство, понимаемое через свое, пространство, которое как бы «вытекает» из известного пространства или противопоставляется на основе известного:

Все, все без разбора и без всякой критики радовало меня в эту поездку, потому что даже то, что я видел в вагоне, на станции и из вагона в окно, — все была жизнь, все напоминало, что Петербург еще не окончательный результат, к которому пришла вся русская жизнь, что есть еще что-то гораздо более интересное, именно — есть еще Россия, жизнь русского народа, жизнь всего этого разнокалиберного встречного населения — мужиков, баб, купцов, господ, духовенства — словом, всего, что вот опять я своими глазами увидел в течение переезда от Петербурга до Новороссийска.¹

Характерно и противопоставление на уровне Родины: для зрелого Бунина связь с Родиной не была принципиальной. Его травелог всегда интернационален, межкультурен, заточен под понимание чужого пространства из его вводных, когда как народник стремится смотреть на чужое пространство через свои культурно-социальные установки.

Бунин описывает увиденных мужиков как легендарных и литературных героев, сошедших со страниц гоголевского «Тараса Бульбы»:

Я почти с благоговением смотрел на этих прямых потомков запорожцев-лоцманов. Один из них был высокий, строгий старик-казак, другой — коренастый, добродушный и важный, настоящий Тарас Бульба. Высокий-то и назывался лоцманом, а его товарищ, по обычаю, носил кличку «дяди». / И вот наступил момент, когда, после угощения в каюте, «дядя» быстро встал с места, взял шапку, расправил усы и пошел на палубу. / — Ну, діты, — громко и серьезно крикнул он, снимая шапку, — помолимось Господу Богу! / И первый стал на колени и, побледнев от волнения, низко поклонился в землю. За ним опустились на колени и мы и в торжественной тишине горячо помолились о благополучном

¹ Успенский Г. И. Письма с дороги // Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1957. С. 277–278.

плавании. Потом подняли якорь, гребцы стали к веслам, и «Чайка» медленно поплыла по порогам.¹

Центральным элементом описания становится «Казацкий ход», Бунин описывает слаженную работу единого организма — команды барки и триумф человеческой силы духа в борьбе с природой (порогами). Сам порог для Бунина представляется жутким:

Вид его всегда производил на меня жуткое впечатление. Кругом — стальная гладь реки, плавно скользящая вперед, а впереди — почти черная поперечная полоса волн от берега до берега, словно Днепр перерезан в этом месте. Издалека видно, как его гладь переламывается здесь и несется под уклон, по которому чернеющие волны мечутся и кипят белыми гребнями пены.²

Именно благодаря слаженной работе всех гребцов удается без повреждений преодолеть пороги. Описав главный и самый яркий эпизод сражения с водной стихией, Бунин сводит другие пороги до повседневной будничной практики, подчеркивая тем самым свое восхищение тем, как легко это дается гребцам: «А на другой день мы перевалили еще через четыре порога, ловко проскользнули в опасной теснине среди высоких, скалистых берегов, недалеко от Александровска, на крутом повороте Днепра к юго-востоку, и скоро были у пристани Кичкас»³.

Похожий стиль описания иного пространства как легендарного, сказочного, населенного колоритными, «древними» персонажами встречаем и у Златовратского в рассказе «Сироты 305-й версты»⁴. Описывая путешествие главного героя с детьми к отставному военному Сидорычу, писатель представляет его хранителем и «полновластным властителем» «поэтических владений». Его будка, с долей иронического

¹ Бунин И. А. «Казацкий ход» // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1987. С. 421.

² Там же. С. 422.

³ Там же. С. 423.

⁴ Стоит отметить, что у Златовратского нет ярко-выраженных травелогов и отдельных путевых очерков, что отличает его от многих народников, часто писавших в этом жанре, скорее некоторые черты травелогов можно встретить в разных произведениях писателя, когда речь заходит о путешествиях героев.

пафоса названа «усадьбой», «резиденцией», а сам Сидорыч предстает перед нами «сановитым», «статным», «философом-юмористом в жизни, вечным героем»: ¹

К Сидорычу? Гм... не близкое место... Но скворчата, уже привыкшие к ежегодным весенним перелетам, ничего не имеют против почти недельного путешествия по водяным и сухопутным путям сообщения, ведущим в царство Сидорыча и ему подобных... <...> Четыре-пять суток от Петербурга — и перелет совершен, и мы уже переброшены далеко за великую русскую реку и благодушно устраиваемся в первый же ночлег на покрытом соломой и валяными кошмами полу огромной избы заволжского села. А на другой день, почти с первыми лучами яркого весеннего солнца, мои нетерпеливые ребята уже тащат меня вместе с собой к резиденции Сидорыча. ²

Мужики Успенского не такие. Среди них встречаются труженики, работа которых достойна восхищения, но для него они обыденные и безвольные. Образ «мужика» претит ему. Это либо бездельник, который пытается стать «капиталистом», ничего не делая, либо безвольный «трудовой мужик» — последним он не сочувствует за их безволие, а первых презирает, как и настоящих капиталистов:

«Кислощейный» мужик и этот девственный Новороссийск чрезвычайно похожи друг на друга: мужичок выстроил на самом юру ветров шалашик из шести-семи нестроганных тесин, прилепил вверху навеса кислощейную вывеску, повесил на стену «патрет» и вид Афонской горы, поставил на тесину, заменяющую стойку, бочонок с квасом, три толстобочных стакана, пяток бутылок с квасом, перекрестился и вместе с своею «бабой» стал ждать, «что будет». <...> Так и проходит день; а часов в семь мужик с бабой выберутся из будки, заставят ее досками, помолятся на небо, поклонятся на все четыре стороны и идут домой, на фатеру, «пожевать» весового хлеба наместо ужина. ³

¹ *Златовратский Н. Н.* Надо торопиться. Сироты 305-й версты. М., 1961. С. 31–32.

² Там же. С. 31.

³ *Успенский Г. И.* Письма с дороги // Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1957. С. 295.

Само слово «мужик» вызывает у Успенского рабские ассоциации, встретив и пообщавшись с переселенцами — бывшими крепостными, добровольно идущими большой коммунной из 180 семей на только что купленные земли, Успенский пишет:

Глядя на этих здоровых, свободных, не голодных, не холодных, хорошо, тепло, красиво одетых в самодельное и само-тканное платье людей, слушая их свободную, остроумную речь, я решительно позабыл самое слово мужик. Да, это настоящие свободные люди — именно люди, независимые вполне, так как над ними нет теперь даже ненавистного жиды. Это несомненно была счастливая, редкая встреча, но благодаря ей я мог опять вспомнить самое важное и самое главное, что таится в самой сущности строя народной жизни.¹

Рассуждая далее о судьбе мужика, Успенский не стремится только ставить диагноз обществу, он предлагает и решение проблемы, описывая проект «в виде школы всеобщей, из которой человек мог бы выйти не в работники куда-нибудь и на кого-нибудь, а прямо мог бы сесть на этой же земле хозяином».²

* * *

Уже в ранней поэтике Бунина нет четкой определенности и прямой линии наследования тому или иному народническому типу описания. Бунину «тесно» писать только таким образом как Златовратский или только таким образом, как Успенский. Его ранняя поэтика во многом пример «срединного» народнического дискурса, а иногда и выходит за пределы народнической поэтики, предлагая свой, оригинальный художественный язык описания.

Сегодня нам очевидно, что представители народнической литературы и Бунин принадлежали разным поколениям и эпохам, их ждала разная судьба и жизнь

¹ Успенский Г. И. Письма с дороги. Т. 7. С. 307.

² Там же. С. 362.

в культуре.¹ Но литературная мифология сложилась таким образом, что, несмотря на позднейшие отталкивания Бунина от народничества (как биографические, так и художественные), его образ для современников слился с плеядой тех авторов, имена которых мы сегодня даже не помним.² Так, С. Липкин в книге, посвященной О. Э. Мандельштаму, вспоминал такой случай:

Я часто начал бывать у Мандельштама, когда он поселился в довольно плохонькой комнате в Доме Герцена. <...> Он ко мне относился хорошо, приветливо (старомодно-приветливо обращался к юнцу по имени-отчеству), происходило это, возможно, потому, что я ему не подражал, а это было редкостью среди того крайне небольшого круга стихотворцев, молодых и не очень молодых, с которыми он общался. Одному из таких стихотворцев он в раздражении сказал:

— Разделим землю на две части, в одной половине будете вы, в другой останусь я.

Мои литературные взгляды (в особенности пристрастие к Бунину-поэту) казались ему нелепыми, хотя и простительно-смешными, но иногда они выводили его из себя, он метался по комнате, пустой и полутемной, как келья, и кричал мне: «Народник! Златовратский!»³

¹ Это осознавал и сам Бунин: «Начало моей новой жизни совпало с началом нового царствования. Плохие писатели писали тогда романы и повести, пошлые заглавия которых верно выражали сущность происходившего: “На переломе”, “На повороте”, “На распутье”, “Смены”... Все и впрямь было на переломе, все сменялось: Толстой, Щедрин, Глеб Успенский, Златовратский — Чеховым, Горьким, Скабический — Уклонским, Майков, Фет — Бальмонтом, Брюсовым, Репин, Суриков — Левитаном, Нестеровым, Малый театр — Художественным... Михайловский и В. В. Туган-Барановский и Струве, “Власть земли” — “Котлом капитализма”, “Устон” Златовратского — “Мужиками” Чехова и “Челкашом” Горького. <...> Над всеми чувствами и мыслями преобладало одно — сознание того перелома, который совершился со смертью Александра III: все сходились на том, что совершилось нечто огромное — отошла в прошлое долгая пора тяжкого гнета, которого не было в русском обществе и политической жизни России со времен Николая I, и настала какая-то новая...» *Бунин И. А. Записи // Новый журнал. 1965. № 80. С. 125–128.*

² См., например, участников московской «Среды», где, помимо Бунина, бывал Златовратский и многие другие народники. *Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 228.*

³ *Липкин С. «Угль, пылающий огнем...» Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М., 2008. С. 23.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галай К. Н. И. Бунин и Ги де Мопассан: к вопросу о типологии творчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 4. С. 43–48.*
2. *Еголин А. М. Творческий путь Н. Н. Златовратского // Златовратский Н. Н. Избранные произведения. М., 1947. С. 3–8.*
3. *Мальцев Ю. В. Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994.*
4. *Морозов С. Н. Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 81. № 4. С. 43–51.*
5. *Николози Р. Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.*
6. *Пономарев Е. Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И. А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 178–193.*
7. *Пономарев Е. Р. История русской литературы XIX — начала XX веков глазами И. А. Бунина (один лист неопубликованной записной книжки) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 80–92.*
8. *Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004.*
9. *Щавлинский М. С. «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 423–436.*
10. *Щавлинский М. С. Эволюция травелога в раннем творчестве И. А. Бунина: от «Казацкого хода» до «Храма Солнца» // Сб. ст. по результатам XLIX международной научно-практической конференции «Eurasiascience» (15 ноября 2022 г.). М., 2022. С. 292–295.*

REFERENSES

1. *Egolin A. M. Tvorcheskii put' N. N. Zlatovratskogo // Zlatovratskii N. N. Izbrannye proizvedeniia. M., 1947. S. 3–8. (In Russ.)*
2. *Galai K. N. I. Bunin i Gi de Mopassan: k voprosu o tipologii tvorchestva // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2011. № 4. S. 43–48. (In Russ.)*
3. *Mal'tsev Iu. V. Ivan Bunin. 1870–1953. Frankfurt-na-Maine; M., 1994. (In Russ.)*
4. *Morozov S. N. Ranniaia proza I. A. Bunina: istochnikovedenie, tekstologiiia, atributsiia, datirovka // Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka. T. 81. № 4. S. 43–51. (In Russ.)*
5. *Nikolozii R. Vyrozhdenie: Literatura i psikhiiatriia v russkoi kul'ture kontsa XIX v. M., 2019. (In Russ.)*

6. *Ponomarev E. R.* Istoriia russkoi literatury XIX — nachala XX vekov glazami I. A. Bunina (odin list neopublikovannoi zapisnoi knizhki) // Literaturnyi fakt. 2020. № 2 (16). S. 80–92. (In Russ.)
7. *Ponomarev E. R.* Zhanrovyi genesis i siuzhetologiya rannei prozy I. A. Bunina // *Studia Litterarum*. 2022. T. 7. № 4. S. 178–193. (In Russ.)
8. *Shavlinsky M. S.* «Zhizn' Arsen'eva» i «Zhizn' Bunina» kak sposob soznatel'noi spekulatsii na biografii // *Letniaia shkola po russkoi literature*. 2020. T. 16. № 3–4. S. 423–436. (In Russ.)
9. *Shavlinsky M. S.* Evoliutsiia traveloga v rannem tvorchestve I. A. Bunina: ot «Kazatskogo khoda» do «Khrama Solntsa» // *Sbornik statei po rezul'tatam XLIX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Eurasiascience»* (15 noiabria 2022 g.). M., 2022. S. 292–295. (In Russ.)
10. *Shruba M.* Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'. M., 2004. (In Russ.)